

*Текст в перспективе стилистики
и дискурс-анализа:
к методологии исследования
на материале новостного медиадискурса*

АНДРЕЙ А. НЕГРЫШЕВ
(Владимир)

Текст как объект стилистики и дискурсологии

Соотношение понятий *стиль* и *дискурс*, равно как «дсмаркация» предметно-методологических областей *стилистики текста* и *дискурс-анализа*, представляется на сегодня актуальной исследовательской проблемой, масштаб которой выходит далеко за рамки отдельной статьи. Задачей нашего сообщения является уточнение ключевых методологических понятий этих дисциплин и описание некоторых точек их пересечения в сфере новостного дискурса печатных СМИ.

Сразу оговорим, что рассуждение о содержании понятий может быть сколь-либо продуктивным лишь в рамках определенных, довольно четко оформленных на сегодня концепций дискурса и дискурс-анализа. Попытка построения некоей интегрированной теории, «примиряющей» разные школы и направления анализа дискурса и текста, представляется едва ли осуществимой, по крайней мере, в рамках парадигмального подхода. Поэтому вначале кратко остановимся на изложении той концепции дискурса, которую мы принимаем за основу последующих методологических рассуждений.

Речь пойдет о теории дискурса, получившей наибольшее распространение в отечественном языкознании – дискурса как **речи в социальном контексте**, или, по определению Н. Д. Арутюновой, как «речи, погруженной в жизнь»: дискурс – это

речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) (Арутюнова 1990: 136–137).

В рамках данного подхода, концептуально очень близкого традиции критического дискурс-анализа (Н. Фэйрклау, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.), текст «рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт» (Петрова 2003: 130), или, другими словами, как *результат* динамического процесса речевой деятельности (Кубрякова, Александрова 1997: 19). По выражению Е. С. Кубряковой (2001), текст «создается в дискурсе и является его *детнищем*». Автор и читатель, «индивидуальный» или «массовый», не только подчиняются общим правилам дискурсивной среды, в которой они создают/воспринимают текст, но и используют те механизмы текстопорождения/интерпретации, которые выработаны в соответствующей сфере вербально-семиотической деятельности. Следовательно, дискурсивные факторы как бы «пронизывают» текст на всех уровнях его организации, определяя его стилистику и композиционное построение, и особую важность приобретает исследование контекстуальных параметров рече-текстовой деятельности, таких как социокультурной ситуации, институциональной организации речевой деятельности, технологии коммуникации и конструирования сообщений (Шейгал 2000: 9, 15).

При таком подходе **объекты** исследования в дискурс-анализе и в лингвистике текста практически совпадают, а именно – и в том и в другом случаях исследователи имеют дело с **текстом** как с конечной «данностью» дискурса. Даже при всей экстралингвистической направленности дискурс-анализа (*текст в социальном контексте*) в качестве «реального» объекта исследования дискурсивной лингвистике доступен только сам текст. Знание же об экстралингвистическом контексте она вынуждена заимствовать из смежных дисциплин, либо в своих «пограничных» разделах, таких как социо- и психолингвистика, лингвопрагматика и др.

Тем не менее совпадение объекта исследования не означает общности **предмета**, который составляет специфику объекта, задающую направ-

ление исследовательского поиска. В стилистике текста таким предметом являются его *структурно-семантические особенности*, актуализатором которых выступает дискурсивный контекст, предметом же дискурсивного анализа становятся те явления в тексте, которые «связывают» его с дискурсом, обнаруживая производность текста от дискурсивно-коммуникативной среды.

Что касается методологии исследования, то именно здесь находится, по сути, главная «точка напряжения», в которой пересекаются собственно лингвистика и смежные с ней дисциплины. Критический дискурс-анализ (КДА), например, сам становится объектом критики чаще всего за недостаточность эмпирических «ответов» на вопрос: «как точно показать, где и как недискурсивные моменты влияют и изменяют дискурсивные моменты – и наоборот» (Йоргенсон, Филлипс 2008: 157). То же самое признает, в частности, и один из основоположников этой школы Т. А. ван Дейк, отмечая, что

до сих пор на повестке дня остаются многие детали междисциплинарной теории КДА, которые позволили бы связать дискурс и действие с познанием и обществом (Дейк 2013: 126).

Чтобы рассмотреть пути пересечения лингвистики и смежных дисциплин в исследовании текста как «продукта дискурса», обратимся к **новостному медиадискурсу** и попытаемся на его примере рассмотреть возможности методологического синтеза «традиционной» лингвостилистики со смежными научными направлениями, генерирующими знание о среде, в которой порождается новостной медиатекст. Исходная методологическая посылка нашей концепции заключается в том, что «стилистический» подход к тексту не только не исключает иных аспектов анализа, но и является их необходимой и неотъемлемой составляющей.

К текстоцентрической модели дискурса

Как было показано выше, центральным объектом исследования в стилистике текста и в дискурс-анализе является текст. Для интеграции научного поиска в сфере отношений *текст – контекст* необходимо выработать такую методологическую модель, которая отвечала бы, с одной стороны, требованиям дискурсивного анализа, и с другой – опиралась бы на

разработанные в лингвостилистике процедуры, ориентированные непосредственно на «фактуру» текста в ее эмпирической данности. Ниже мы попытаемся представить в общих чертах эскиз такой модели, рабочее название которой – *текстоцентрическая модель дискурса*.

В первую очередь необходимо развести понятия собственно *дискурса* и *дискурсивной среды*. Если первое (*дискурс*), как было отмечено выше, это в упрощенном виде *текст + контекст*, то второе (*дискурсивная среда*) – это только *контекст* как совокупность параметров, «стандартов» текстовой деятельности, определяющих как принципы порождения/восприятия текста, так и его структуру.

Далее представляется возможным выделить две группы таких параметров: **институциональные** и **имманентно-речевые**. Первые определяют «рамочные условия», своего рода «вертикальный контекст» всей рече-текстовой деятельности в той или иной институциональной сфере, вторые – задают способ реализации отношений между компонентами этой деятельности: *текстом, предметом сообщения, субъектом и объектом речи*. Так, например, *институциональные параметры* новостного и в целом массмедийного дискурса включают в себя следующие группы:

– *социальные* – регуляция социальных отношений и представлений через формирование общественного мнения,

– *культурно-мировоззренческие* – сохранение либо изменение культурных норм, мировоззренческой парадигмы и картины мира,

– *коммуникативные* – установление и поддержание доверия к отправителю информации со стороны реципиента в целях обеспечения институциональной (экономической и репутационной) устойчивости СМИ,

– *семиотические* – подчинение планов выражения и содержания техническим и психологическим условиям «массовой» коммуникационной среды.

Институциональные параметры дискурса в силу своей специфики не входят непосредственно в сферу компетенции лингвистики, а составляют предмет социологии, культурологии, коммуникативистики, семиотики и других дисциплин. Тем не менее они оказывают решающее влияние на содержание *имманентно-речевых параметров*, которые и составляют собственно предмет текстолингвистического исследования. Это *интенциональные, референциальные, когнитивные и языковые* параметры, составляющие своего рода «измерения» текста, в которых он существует в дискурсивной среде. *Интенциональное измерение* (автор – текст) отражает «требования»

к тексту, точнее к его автору, со стороны социального института, группы, корпорации, «заказывающей» текст и обеспечивающей его функционирование в данном типе дискурса. В нашем случае это медиакорпорации, определяющие содержание и ценностные ориентации новостного дискурса. *Референциальное измерение* (действительность – текст) включает в себя отношения по линии «событие действительности – содержание текста», и в каждом дискурсе эти отношения «складываются» по-разному: отражение, интерпретация, деконструкция, перформативность и др. *Когнитивное измерение* (текст – реципиент) задает определенные рамки обработки информации с учетом «требований» получателя информации: особенности восприятия в той или иной дискурсивной среде учитываются при порождении текста, и от адекватности оценки этих параметров во многом зависит «успешность» конкретного (новостного) текста. Поясним, что включение в когнитивное измерение только реципиента вовсе не означает исключение автора как субъекта когнитивной деятельности; речь идет лишь о необходимом упрощении, позволяющем разграничить в авторской деятельности параметр «корпоративных требований» к тексту и «требований», точнее ожиданий, со стороны реципиента. И, наконец, *языковое измерение* (текст – язык) определяет пределы варьирования структуры текста как на макро- и микроуровнях за счет того, что в каждом типе дискурса выработаны свои определенные модели текста и «стандартные» наборы лингвостилистических средств языка, используемых в той или иной модели.

Таким образом, текстоцентрическую модель дискурса можно представить в виде текста в четырех измерениях, «погруженного» в дискурсивную среду, ограниченную «извне» институциональными параметрами дискурса и заполненную «изнутри» параметрами имманентно-речевыми (см. рис. 1).

Чтобы не перегружать схему, мы намеренно отказались от изображения таких компонентов дискурсивной среды, как *автор, реципиент, действительность*, а также от конкретизации *параметров дискурса*. Кроме того, в настоящей статье мы ставим задачу показать лишь общую схему дискурсивно-текстовых отношений, чтобы яснее представить себе соотношение различных видов анализа, поэтому модель отражает лишь самые значимые для исследования компоненты и отношения между ними.

Представляя текст в виде тетраэдра, мы неизбежно вынуждены скрыть одну из его граней от наблюдателя (пунктирная часть стрелки), что удобно

институциональные параметры дискурса

Рис. 1.

согласуется с неравноценностью характеристик разных измерений текста в структуре дискурсивной среды. А именно: референциальное измерение в отличие от остальных имеет *статический* характер, поскольку отношение «действительность – текст» является свойством самого текста как «продукта» дискурса, в то время как интенциональное, когнитивное и языковое измерения отражают *динамику* порождения текста в дискурсе. Поясним это с помощью метафор «силы» и «материала» дискурса. Внеязыковая действительность (если говорить о новостном дискурсе СМИ) представляет собой экстралингвистический недискретный *материал*, который проходит «обработку» в дискурсе под действием его «сил», влияющих на любого автора конкретного текста. То есть, некто, порождающий текст, неизбежно вынужден в своей речевой деятельности а) руководствоваться требованиями «корпорации», б) учитывать особенности восприятия и когнитивный тезаурус реципиента, в) опираться на рече-текстовые модели и возможности лингвостилистических средств, закрепленные в системе языка. Тем самым обработка внеязыкового фрагмента действительности – выделение значимых компонентов, расстановка акцентов,

выбор средств выражения и т.п. – протекает во взаимодействии целого ряда динамических сил, результатом которого является текст как вербально выраженная «проекция» данного фрагмента действительности. Сама же действительность такой «силой» не является, т.к. не «давит» на создателя текста, «требуя» от него того или иного способа своего отражения.

Кроме того, расположение референциального измерения в невидимой для наблюдателя грани объясняется еще и тем, что данное измерение является наиболее «закрытым» для исследователя-лингвиста. По крайней мере, лингвистика не располагает на сегодняшний день методами, позволяющими проследить степень адекватности отражения действительности в тексте, хотя сама проблема адекватности, или достоверности текстовой информации начинает с недавнего времени перемещаться из области философской гносеологии в сферу лингвистических исследований (см., напр., работу Панченко 2010). Вместе с тем, именно эта «закрытость грани» придает исследованию референции текста в дискурсе особую актуальность, позволяя выдвинуть в качестве одной из задач дискурсивных исследований выявление текстотипов дискурса по критерию адекватности «события текста» реальному событию действительности.

Если говорить теперь о «распределении» приведенных дискурсивных измерений между различными направлениями лингвистики, то их соотношение выглядит следующим образом: референциальное измерение – *теория референции*, интенциональное измерение – *лингвистическая прагматика*, когнитивное измерение – *когнитивная лингвистика*, языковое измерение – *лингвостилистика*. Среди них особый статус и значение имеет **лингвостилистика**, поскольку именно в ней разработаны процедуры анализа, позволяющие, с одной стороны, исчерпывающе описать текст как лингвистическое явление, а с другой – выявить в нем структуры и механизмы, связывающие его с дискурсивной средой. Выявление таких структур и механизмов становится целью **дискурсивно-стилистического анализа**, содержание которого в общем виде можно представить как

1) описание дискурсивных измерений текста через выявление «сил» дискурса, влияющих на его структуру (направление «дискурсивная среда → текст»);

2) описание самой структуры текста с точки зрения взаимодействия в ней собственно лингвостилистических средств языка с дискурсивными

параметрами рече-текстовой деятельности (направленис «текст → дискурсивная среда»).

Последовательность применения указанных процедур не имеет принципиального значения (в реальной практике исследования они могут осуществляться и параллельно), но в изложении их сути мы предпочитаем начать со структурного описания текста, а затем перейти к «силам» дискурса.

Макроструктура и модели текста

При попытке выявления в структуре текста «рефлексов» дискурса мы сталкиваемся с недостаточностью концептуально-терминологического аппарата лингвостилистики в том смысле, что здесь сложно выделить уровни и единицы анализа, описывающие текст как *единое целое*. Хорошо разработанные на сегодня категории *цельности* и *связности* наиболее близки обозначенным выше задачам, однако их функционирование описывается обычно через совокупность средств на различных уровнях текста – в композиции, синтаксисе, морфологии, лексике, фонетике, графике, здесь же описывается и соотносённость текстовых единиц с экстралингвистическим контекстом. Однако, если текст в дискурсивной перспективе является единицей коммуникации, соотносённой с референтным событием, то такое соотношение необходимо описывать в первую очередь на уровне *текста как целого*, которое не сводится к «механической» совокупности лингвостилистических средств и композиционной структуры. Интегрировать «уровневое» описание текста в свете его понимания как целостной дискурсивно-производной единицы мы предлагаем в понятии *макроструктуры*. Опираясь на концепции Т. ван Дейка (Dijk 1988), О. И. Москальской (1981) и Фр. Зиммлера (Simmler 1996), мы определяем **макроструктуру текста** (макротекстовую структуру) как общую схему его формально-содержательной организации, задаваемую дискурсом и воплощающуюся в лингвостилистическом оформлении текстового целого (см. подробнее: Негрышев 2011). Производная от дискурса макроструктура как абстрактная модель позволяет проследить способы преобразования экстралингвистической событийной информации в конкретный текст с конкретным лингвостилистическим оформлением. При этом сама «материя» текста предстант как результат конкретно-речевого заполнения макро-

структуры под действием параметров дискурса. Иными словами, макро-структура текста есть *инвариант* для каждого типа дискурса, задаваемый его институциональными и имманентно-речевыми параметрами, а лингвостилистическое оформление – *вариант* реализации языкового и предметно-событийного тезауруса субъекта дискурсивной деятельности в конкретной ее ситуации.

В основе макроструктуры лежит некая **глубинная структура**, которую мы предлагаем в общем виде рассматривать через совокупность **макротекстовых позиций (МТП)**, релевантных в плане различных аспектов текстообразования. Состав и комбинация позиций определяются типом дискурса, внутри которого порождается текст. Так, для новостного дискурса прессы мы выделяем три основные МТП, включающие в себя ряд субпозиций:

1. **Заголовок ↔ текст** – отношения между семантической структурой заголовка и фактологической информацией текста;

2. **Композиция:**

а) *композиционно-фактуальные отношения* – отражение в композиции текста структуры события;

б) *композиционно-логические отношения* – характер внутритекстовых логико-синтаксических связей;

в) *композиционно-стигазматические отношения* – линейная последовательность развертывания текстовой информации (Негрышев 2012);

3. **Стилистическая перспектива** – характер преобладающих стилистических средств, константность либо вариативность стилистической окраски.

Предварительный анализ способов заполнения указанных позиций в новостном дискурсе российской прессы выявил оппозицию *прототипической* и *вариационных моделей*. Так, заполнение МТП по *прототипической модели* выглядит следующим образом:

1. **Заголовок ↔ текст**. Изоморфизм семантической структуры заголовка и текста, отсутствие дополнительных средств модальности в лингвистической структуре заголовка.

2. **Композиция:**

а) Наличие *композиционно-фактуальных блоков* «событие» (субъекты действия + действия) и «обстоятельства события».

б) Преобладание *композиционно-логических отношений* конъюнкции и локально-временной субординации.

в) *Синтагматическое развертывание* по модели «перевернутой пирамиды» – от наиболее значимой информации к деталям.

3. *Стилистическая перспектива*. Константность нейтральной стилистической перспективы, исключающей межстилевую интерференцию и любые виды экспрессии.

Тексты, построенные по прототипической модели, максимально соответствуют стандартам краткости, объективности и беспристрастности, вариационные же модели демонстрируют отклонения от этих стандартов в направлении пространности, субъективизма и экспрессивности. При подробном рассмотрении, однако, становится очевидным, что все вариационные модели являются, как и прототипическая модель, результатом действия дискурсивных факторов. И здесь мы возвращаемся к необходимости выявления **имманентно-речевых параметров**, непосредственно влияющих на характер отбора лингвистических средств в каждом конкретном тексте.

Дискурсивная доминанта текста

При описании представленной ранее текстоцентрической модели дискурса было отмечено, что параметры дискурса, определяющие «измерения» текста, могут быть как статическими («материал» дискурса), так и динамическими («силы» дискурса). Их статус в дискурсивно-стилистическом описании оказывается неравнозначным. Так, статическое референциальное измерение текста предполагает наличие в новостном дискурсе определенных *референциальных текстотипов*, отражающих тот иной способ соотнесения текста с фрагментом событийной действительности. Динамические же измерения (интенциональное, когнитивное, языковое) предполагают существование определенных типов *трансформаций*, позволяющих автору преобразовывать исходный информационный «материал» дискурса по определенной макроструктурной модели в конкретный текст. Совокупное действие «сил» дискурса, определяющее выбор автором нужной модели и средств их лингвостилистического заполнения, мы предлагаем описывать через понятие **дискурсивной доминанты текста**.

Сам термин *доминанта*, введенный впервые в физиологии А. А. Ухтомским, получил довольно широкое распространение и в лингвистике текста

(А. В. Бондарко, В. П. Белянин, Н. С. Болотова, И. П. Шишкина, А. И. Новиков и др.). Если в физиологии *доминанта* – это «временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе», создающий «скрытую готовность организма к определенной деятельности» (*Большая энциклопедия* 2002), то *дискурсивную доминанту текста (ДДТ)* можно определить как преобладающую структурно-смысловую акцентуацию текста, обеспечивающую его коммуникативную «уместность» и прагматическую эффективность в соответствующем типе дискурса. Так, *имманентно-речевые параметры* медиадискурса реализуются в трех составляющих текстовой доминанты, соответствующих трем описанным измерениям текста – *интенциональной, когнитивной и повествовательной*.

Интенциональная составляющая доминанты определяется в широком плане социальными и коммуникативными параметрами дискурса и подчиняет процесс формо- и смыслообразования текста задачам регуляции общественного мнения и поддержания рейтинга издания.

Когнитивная составляющая доминанты обеспечивает акцентуацию тех когнитивно-психологических компонентов информации, которые способствуют усилению ее воздействия на реципиента.

И, наконец, *повествовательная составляющая* текстовой доминанты характеризует отбор и способ структурирования информационных компонентов текста по той или иной повествовательной модели: констатирующе-описательной, аргументативно-аналитической и нарративной. Так, например, событие из области политики может «превращаться» в новостной текст со следующим составом ДДТ: *продвижение / дискредитация лиц, действий, идей* (интенциональная составляющая доминанты), *анализ-аргументация* (повествовательная составляющая), *категоризация, каузация, режэ – фасцинация* (когнитивная составляющая). Событие же из жизни «знаменитостей» чаще всего реализуется в новостном тексте со следующей конфигурацией ДДТ: *развлечение* (интенциональная составляющая), *нарратив*, или *story-telling* (повествовательная составляющая), *фасцинация* (когнитивная составляющая).

Итоги

В обобщенном виде все изложенное выше можно представить следующим образом. Создатель текста, в нашем случае – журналист, интуитивно и на

уровне профессиональных умений и навыков владеет всеми **макро-текстовыми структурами** медиадискурса, а также возможностями их комбинации, позволяющими ему перерабатывать событийный фрагмент действительности в соответствии с интенциональными, когнитивными и языковыми параметрами дискурса. В результате такой переработки текст обретает определенную **дискурсивную доминанту** и формируется определенный референциальный, дискурсивно обусловленный текстотип, тем или иным образом соотношенный с описываемой реальностью. Все выделенные понятия могут быть эксплицированы с помощью различных процедур, объединенных в методику дискурсивно-стилистического анализа текста, опирающуюся на концептуальный аппарат текстоцентрической модели дискурса.

При этом ключевым звеном дискурсивно-стилистического анализа выступает «традиционный» лингвостилистический анализ, давно и успешно применяемый в лингвистике текста. Расширение его концептуального поля за счет понятий *макротекстовой структуры* и *дискурсивной доминанты текста* обеспечивает выход на дискурсивный уровень, т.е. по сути, «встраивание» предмета лингвостилистики в предмет дискурс-анализа. В итоге дискурс-анализ приобретает собственно «лингвистическое наполнение», а стилистика направляется в русло четко очерченных функциональных параметров дискурса, релевантных для теории текста.

Литература

- Арутюнова Н. Д., 1990, *Дискурс*. – *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцев, Москва, с. 136–137.
- Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия*, 2002, CD, www.RM.ru
- Дейк Т. А. ван, 2013, *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*, Москва.
- Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дж., 2008, *Дискурс-анализ. Теория и метод*, Харьков.
- Кубрякова Е. С., 2001, *О тексте и критериях его определения*. – *Текст. Структура и семантика*, URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В., 1997, *Виды пространств текста и дискурса*. – *Категоризация мира: пространство и время*, Москва, с. 15–25.
- Москальская О. И., 1981, *Грамматика текста*, Москва.

- Негрышев А. А., 2011, *Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры*. – *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*, ред. М. Н. Володина, Москва, с. 85–97.
- Негрышев А. А., 2012, *Референтная соотносительность новостного медиатекста (из опыта описания интерпретативности методом макроструктурного анализа)*. – *Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика*, Москва, с. 429–450.
- Панченко Н. Н., 2010, *Достоверность как коммуникативная категория*, Волгоград.
- Петрова Н. В., 2003, *Текст и дискурс*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 123–131.
- Шейгал Е. И., 2000, *Семиотика политического дискурса*, Москва, Волгоград.
- Dijk Teun A. van, 1988, *The Analysis of News as Discourse*. – *News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press*, ed. by Teun A. van Dijk, Hillsdale, New Jersey, p. 1–30.
- Simmler Franz, 1996, *Teil und Ganzes in Texten. Zum Verhältnis von Textexemplar, Textteilen, Teiltexen, Textauszügen und Makrostrukturen*, «Daphnis», 25 (1996), S. 597–625.

*Text in stylistic and discourse-analysis perspective:
towards the research methodology by the material
of news media discourse*

The paper deals with the possibilities of methodological synthesis in text research between stylistics and discourse-analysis. Based upon the “textcentric” conception of discourse some methodological terms and approaches are developed, such as *macro-text structure*, *discourse dominant of text*, *referential text types* and others. The concepts are founded by the material of Russian news media discourse. The author comes to the conclusion, that the methodological synthesis of stylistics and discourse-analysis is quite necessary and they could enrich each other within a framework of discourse-stylistics analysis.

Keywords: *text stylistics, discourse-analysis, news discourse, macro-text structure, discourse dominant of text.*